

Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ

Альнур С. Сейдуманов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

seidumanov@mail.ru

Аннотация: Типологически значимой характеристикой казахстанской модели демократического транзита является создание в Казахстане системы «суперпрезидентской» республики, в которой конституционно-правовой статус, функции и полномочия всех ветвей власти выступают превращённой формой реализации принципов идентитарной демократии. Одним из наиболее релевантных описаний особенностей этой формы является концепция делиберативной демократии Гильермо О’Донелла. Согласно Г. О’Доннеллу, делегативные демократии основаны на предпосылке, что избрание на пост президента даёт победителю право управлять, не прибегая к посредничеству представительных институтов власти. Ведь президент избирается для того, чтобы быть персонифицированным воплощением нации, полномочно определять и защищать её интересы, приняв на себя всю полноту ответственности за судьбу страны и народа. Прочие политические институты, например, партии с их фракционностью и перманентными конфликтами, зачастую являются лишь помехами в осуществлении этой миссии. Эта особенность легитимации политического режима становится идеологической основой обоснования совместимости либерально-демократических институтов с процессом персонификации политической системы, выстраиваемой под конкретную личность.

Ключевые слова: демократический транзит, президентская республика, парламентаризм, авторитаризм, делегативная демократия

Для цитирования: Сейдуманов А.С. Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(4):423–436. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436>

Поступила 17.07.2022

Принята в печать 18.09.2022

Опубликована 25.12.2022

Features of Kazakhstan’s Democratic Transit Model: Conceptual and Methodological Analysis

Alnur S. Seidumanov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

seidumanov@mail.ru

Abstract: A typologically significant characteristic of the Kazakhstan model of democratic transit is the creation in Kazakhstan of a system of “super-presidential” public, in which the constitutional and legal status, functions and powers of all branches of government act as a transformed form of implementation of the principles of identitarian democracy. One of the most relevant descriptions of the features of this form is Guillermo O’Donnell’s concept of deliberative democracy. According to G. O’Donnell, delegative democracies are based on the premise that election to the presidency gives the winner the right to govern without resorting to the mediation of representative institutions of power. After all, the president is elected in order to be the personified embodiment of the nation, to determine and protect its interests with authority, assuming full responsibility for the fate of the country and the people. Other political institutions, for example, parties with their factionalism and permanent conflicts, are often only hindrances in the implementation of this mission. This feature of the legitimization of the political regime becomes the ideological basis for substantiating the compatibility of liberal democratic institutions with the process of personification of a political system built for a specific person.

Keywords: democratic transit, presidential republic, parliamentarism, authoritarianism, delegative democracy

For citation: Seidumanov A.S. Features of Kazakhstan’s Democratic Tranzit Model: Conceptual and Methodological Analysis. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(4):423–436. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436>

Received 17. 07.2022

Revised 18.09.2022

Published 25.12.2022

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с принятой в 1995 г. Конституцией Республики Казахстан, Президент наделяется рядом полномочий и функций, ставящей его «над ситуацией» — над принципом разделения власти и вне механизма сдержек и противовесов, столь значимых для либерально-демократических концепций политического процесса. Такого рода особенности конституционно-правового статуса, властных функций и полномочий президента дают основания политологам и экспертам, особенно (но далеко не только) из лагеря политической оппозиции, квалифицировать модель президентской республики в Казахстане как режим единоличной

власти, созданный под конкретного человека. При этом казахстанской версии президентской республики даются различные определения и оценки. Они распределяются по двум кластерам, в одном из которых президентская республика в РК отнесена к формам демократии, а в другом — к формам автократии. Официальная позиция состоит в том, что режим президентской власти в Казахстане является формой демократии. В статье 1 Конституции было зафиксировано положение о том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, в котором решение важных вопросов государственной жизни

осуществляется демократическими методами. Но это общее положение допускает нюансы при своей конкретизации. В Конституции не случайно употреблён глагол «утверждает». Утверждение может пониматься не как акт фиксации эмпирически наличного состояния, но как длительный, растянутый во времени процесс. Поэтому конституционное утверждение государством себя демократическим выступает как процесс демократизации, который может протекать в самых разнообразных институциональных формах, реализовываться в различных моделях политического процесса и в рамках различных политических режимов. Задачей настоящей статьи является выявление особенностей казахстанской модели демократического транзита и проведение их политологического исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

В анализе особенностей казахстанского опыта демократического транзита автор статьи опирался на ряд специальных методологических подходов к анализу политических процессов, разработанных в рамках политической транзитологии: структурно-функциональный метод, институциональный и неинституциональный подходы, процедурный или субъектно-деятельностный подход, методология компаративистского политологического анализа, метод концептуального моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из широко распространённых концептуально-методологических подходов к выявлению особенностей политического процесса в современном Казахстане является кластерный сравнительно-политологический анализ процессов демократического транзита в постсоветских республиках.

А.Н. Медушевский предлагает следующую типологию переходных политических процессов на евразийском постсоветском пространстве:

- 1) российская модель президентской республики 1993 г.;
- 2) поиски альтернативы этой модели (Грузия, Украина, Молдова, Киргизия, прибалтийские республики);
- 3) путь авторитарной модернизации, который избрал Казахстан наряду с Беларусией, Арменией и Азербайджаном;
- 4) среднеазиатские страны с не реформированными (или «косметически» реформированными) политическими режимами (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) [1, с. 46].

К. Труевцев полагает, что проводить кластеризацию моделей демократического транзита постсоветских стран следует по критерию характера протекающих в них политических процессов. В соответствии с этим критерием формируются следующие группы стран:

- 1) Государства Балтии и Россия, осуществившие демонтаж советских политических структур и институтов.
- 2) Страны, не осуществившие радикальное переустройство унаследованных от советского периода политических институтов: государства Закавказья, Молдова, Таджикистан.
- 3) Страны, ориентирующиеся преимущественно на эволюционную модель развития политического процесса. На начало 1990-х гг. в эту группу входили Беларусь, Украина, Казахстан, Узбекистан, Туркмения. Впоследствии к этой группе присоединились Азербайджан, Таджикистан, частично Киргизия, а Украина из этой группы вышла [2, с. 20].

С.Н. Шкель разделяет постсоветские государства на три группы в соответствии с так называемым «режимным индексом»,

рассчитанным по методике «Freedom House». В первую группу входят страны Балтии, продвинувшиеся по пути демократизации дальше других постсоветских республик. Во вторую группу входят страны с политическими режимами гибридного типа — Армения, Грузия, Молдова, Киргизия, Украина. Третью группу составляют страны, помещённые С.Н. Шкелем в зону «консолидированного авторитаризма» — Азербайджан, Беларусь, Россия, Казахстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан [3, с. 100].

В этих типологиях политических процессов, и особенно явно в типологии, предложенной С.Н. Шкелем, отражены различия парламентских, президентских и смешанных президентско-парламентских форм правления. Непосредственно на этих различиях российский политолог Б.И. Макаренко выстраивает классификацию политических режимов европейских и постсоветских государств, включившихся в процессы демократического транзита. В качестве критерия кластеризации политических режимов Б.И. Макаренко использует индексацию разности полномочий президента и парламента — так называемый Индекс формы правления (ИФП). Эта методика позволяет выделить следующие группы политических режимов:

- 1) Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — моноцентричные президентские республики с «перманентно авторитарными» режимами на протяжении всего постсоветского периода. Вся исполнительная власть в этих государствах сосредоточена в руках их президентов¹.
- 2) Президентский режим Беларуси (ИФП +7) и президентско-парламентские режимы Азербайджана (ИФП +6), Казахстана (ИФП +9) и Киргизии (ИФП +4).

Политические процессы в этих странах имели разнонаправленные тренды, но со временем утвердился моноцентрический тип власти.

- 3) Молдова (перешедшая от президентско-парламентской к парламентской республике) и Украина (по состоянию на 2008 г. премьер-президентская республика с нулевым ИФП), движущиеся по вектору ослабления президентской власти и укрепления режима партийно-политической конкуренции.
- 4) Армения (ИФП –1), Грузия (ИФП +5) и Россия (ИФП +8) как президентско-парламентские республики. При этом распределение полномочий между президентской и парламентской властью в них значительно различается [4, с. 110–111].

По мнению Б.И. Макаренко, по ситуации, сложившейся к 2008 г., в Литве демократический транзит успешно завершён. В Латвии и Эстонии транзит необратим, политический процесс в этих республиках значительно приблизился к европейским стандартам демократии. Армения, Грузия, Россия, Молдова и Украина отнесены к группе стран, где демократический транзит продолжается, но исход процесса демократизации не ясен. В Азербайджане, Казахстане и Киргизии транзит заблокирован — после попыток демократизации и либерализации общественно-политической сферы в политических процессах этих странах возобладали проавторитарные тенденции. В Беларуси, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане транзит не состоялся [4, с. 118–120].

Для характеристики особенностей президентского режима власти в Казахстане по этой методике показателен тот факт, что среди 27-ми стран Центральной

¹ Поэтому ИФП по отношению к ним не рассчитывается, так же как и к парламентским республикам, расположенным на противоположном полюсе этой шкалы.

и Юго-Восточной Европы и республик бывшего СССР, для оценки процессов демократического транзита, в которых рассчитывался Индекс формы правления, Казахстан набрал наибольший балл (+9). За Казахстаном следуют Россия (+8) и Беларусь (+7). Во всех тех странах, в которых демократический транзит признан завершённым или необратимым, ИФП имеет отрицательные величины.

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между парламентаризмом и консолидированной демократией, как и между президентской формой правления и авторитарным политическим режимом. В современном мире существует значительное число президентских республик, принадлежащих к числу консолидированных демократий. Однако в отношении стран, вступивших на путь демократического транзита, связь авторитаризма с президентской формой правления, с особым статусом и полномочиями персонализированной власти президента как национального лидера, представляется достаточно убедительной. Б.И. Макаренко отмечает: «Выбор государств Центральной и Юго-Восточной Европы в пользу премьерско-президентской или парламентской республики отражал осознанное стремление элит ограничить власть и амбиции единоличных лидеров». В том числе и харизматичных лидеров бархатных революций, таких как В. Гавел и Л. Валенса, которые «пытались перетянуть одеяло на себя» [4, с. 107, 108] и расширить президентские полномочия, но натолкнулись на решительное сопротивление парламентов своих стран.

А. Лейпхарт, анализируя перспективы демократического транзита в многоставных, неоднородных, фрагментированных обществах, пишет: «Вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе,

стал главным вызовом в сегодняшнем мире» [5, с. 27]. Согласно А. Лейпхарту, оптимальной моделью решения этого вопроса является общественная или консociоналистская демократия (*consociation democracy*). Для обозначения этого типа демократии также применяются термины «демократия сотрудничества» и «демократия согласия» (*corporatism, consensus democracy*).

Сообщественная демократия, вопреки своему именованию, не является формой непосредственного народовластия, не ориентируется на «наивный идеал» (А. Лейпхарт) вовлечения всех граждан в политический процесс, но исходит из принципа структурного доминирования элит как способа функционирования представительной демократии. Однако, в противоположность конкурентно-элитистскому (С. Хантингтон) характеру политического процесса в системе мажоритарной демократии, где принятие политических решений определяется большинством голосов, механизмы общественной демократии направлены на поиск согласия, взаимных уступок, компромиссов, договорённостей и сотрудничества между элитами. В политическом процессе, считает А. Лейпхарт, намного более важными являются принципы группового согласия и соучастия в отправлении политической власти (*power-sharing*), нежели принципы конкуренции и правления большинства.

В модели общественной демократии гарантиями защиты интересов всех социальных групп глубоко сегментированного, фрагментированного общества являются распределение власти на основе пропорционального политического представительства и права взаимного вето. По мнению А. Лейпхарта, общественная демократия является не только основой организации политической системы в ряде

консолидированных демократий Европы (в частности, в Австрии, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии), но и нормативной моделью успешного демократического транзита стран «третьего мира»: «По моему глубокому личному убеждению... общественная демократия остаётся наиболее перспективной формой демократии для многосоставных обществ, и единственно возможной формой демократии для обществ, отличающихся крайне высокой степенью многосоставности» [5, с. 34].

Казахстан можно рассматривать в качестве типичного примера социума, отличающегося высокой степенью многосоставности:

- Казахстан является обществом поликультурным, поликонфессиональным, полиэтническим;
- являясь унитарным государством, Казахстан характеризуется значительными различиями в этническом составе, в уровне и типе хозяйственно-экономического развития между регионами. Также сформировались резкие контрасты между уровнем и качеством жизни населения крупных городов и сельских жителей страны;
- характерной чертой начального этапа политических преобразований в Казахстане явилось разрушение прежней и отсутствие новой объединяющей народ республики общенациональной идеологии, единой общекзахстанской культуры, единого комплекса норм и ценностей социальной жизнедеятельности;
- переход к рыночным механизмам на основе механизма приватизации ознаменовался резким социально-экономическим разделением казахстанского общества: образованием узкого слоя сверхбогатых людей, небольшого числа людей, относящихся к среднему классу,

и широкого слоя населения, живущего у черты бедности и за этой чертой.

Таким образом, уже первые шаги по пути радикальной социально-экономической и политической трансформации Казахстана привели к формированию не просто многосоставного, но фрагментированного, глубоко разделённого, социально поляризованного общества. Основываясь на концепции распределения власти в общественной демократии и реализации этого типа демократии в Швейцарии, Ю. Штейнер высказал категорическое суждение: «Разделение власти может быть единственной дорогой к миру и благополучию раздираемых противоречиями обществ» [6, с. 285]. Однако политический процесс демократических преобразований в Казахстане стал развиваться по иному пути, не уместяющемуся в матрицу типологического различия между моделями мажоритарной и общественной демократии, концептуально несовместимых в рамках монистических схем политологического анализа.

Созданная в Казахстане политическая система президентской республики, включающая в себя элементы и принципы мажоритарной и общественной демократии, не является ни той, ни другой, ни их эклектическим соединением. Ближе всего к ней стоит такой тип демократии, как идентитарная демократия.

Политический процесс неправомерно сводить к поиску некоего общего знаменателя индивидуальных и групповых политических пристрастий. Политическое как таковое есть, по афористическому определению П. Козловски, «...предвосхищение разумной всеобщности там, где всеобщее не является результатом суммирования единичных приоритетов» [7, с. 286]. Этим определением, недвусмысленно отсылающим к проведённому Ж.-Ж. Руссо различию «всеобщей воли» (*volonté*

générale) и «воли всех» (volonté de tous), постулируется необходимость в анализе политического процесса выхода за рамки концепции представительной демократии как в её согласительной, так и в мажоритарной форме. В.Д. Курганская отмечает: «В основе концепции идентитарной демократии как превращённой формы непосредственного народовластия лежат ценностно-смысловые идеалы гражданского самоуправления как подлинно легитимного института политической власти и единственного субъекта политической воли» [8, с. 101]. Однако в рамках процедур представительной демократии эти идеалы недостижимы, поскольку право на представительство и защиту интересов граждан, полномочия на выработку и принятие политических решений делегированы политическим институтам, повседневная деятельность которых протекает без прямого участия гражданского общества.

Согласно обоснованной Ж.-Ж. Руссо концепции идентитарной демократии, в структуре «политического организма» должно быть место для метадемократической инстанции, руководствующейся высшей целесообразностью всеобщей воли и идеалами общенародного блага именно потому, что эта инстанция стоит над любыми частными политическими целями и интересами отдельных классов, сословий, корпораций, этносов, конфессий. В качестве такого рода метадемократической инстанции осуществления процесса демократического транзита в Казахстане утвердился институт президентской власти. Именно на связь института президентства с особенностями идентитарной демократии обращает внимание Н.А. Назарбаев, характеризуя конституционное закрепление президентской формы правления в Казахстане: «В рамках президентской формы правления статус главы государства по-

зволяет ему находиться «над ситуацией» и в силу этого обеспечивать в условиях Казахстана согласованное функционирование органов государственной власти, создавать наиболее благоприятные предпосылки для успешного и необратимого реформирования общества. Кроме того, для полиэтнического и многоконфессионального общества, в котором к тому же происходит сильная социальная дифференциация, жизненно важно наличие в лице Президента гаранта гражданского мира, общественной стабильности и межнационального согласия. Это же является эффективным средством повышения ответственности власти перед учредившим её народом» [9].

По оценке Н.А. Назарбаева, сделанной им в 1996 г., созданная в Казахстане и закреплённая в его Конституции президентско-парламентская система не может быть однозначно охарактеризована как демократическая или как авторитарная. Н.А. Назарбаев считает, что демократический вектор преобразований в нашей стране невозможно оспаривать, но в то же время этот вектор включает в себя элементы «мягкого», «просвещённого» авторитаризма». При этом «модель просвещённого авторитаризма возможна лишь в тех условиях, когда во главе данной страны оказывается лидер-реформатор, осознанное и настойчивое стремление которого к позитивным преобразованиям получает поддержку большинства населения» [10, с. 147]. Ясно, какую именно страну и какого именно лидера-реформатора подразумевает это высказывание Н.А. Назарбаева.

В современной политической теории принято различать различные виды авторитаризма: реакционный, консервативный, либеральный и т.д. Диапазон оценок казахстанской модели президентского

правления как формы авторитаризма чрезвычайно широк и поляризован. На одном полюсе располагаются оценки политического режима Казахстана как близкую к идеальной модель «мягкого центристского авторитаризма» [2, с. 24]. Благодаря реализации этой модели Казахстан избегал внутривнутриполитических потрясений, хотя ориентация политической системы исключительно на интересы президента и его ближайшего окружения негативно воздействовала на развитие страны [11, с. 67]. На противоположном полюсе оценок президентской формы правления в Казахстане она квалифицируется как режим неопатримониального² авторитаризма (В.Я. Гельман [12], А.А. Фисун [13], С.Н. Шкель [3], А. Франке-Швенк [14], Р. Айзекс [15], Д. Льюис [16]), определяющего потестарный³ клановым сознанием, совладать с которым можно якобы только «сталинскими методами», без чего политический процесс в Казахстане окончательно превратится в «загнивающее болото» [17, с. 59]. Неформальные сети политических процессов функционируют в закрытом для посторонних режиме, что порождает массу недостоверной и противоречивой информации, циркулирующей в обществе. Как замечает Д. Льюис, аналитику, стремящемуся к пониманию политических процессов в государстве с патримониальным режимом власти, генеалогическое древо более полезно, чем опрос общественного мнения [16, р. 123].

Известный казахстанский историк и политолог Н.Э. Масанов полагал, что единственной альтернативой тупиковому пути политического развития Казахстана явля-

ется демонтаж института президентства и передача всей полноты реальной власти Парламенту [18]. Этот вывод основан на представлении о несовместимости либерально-демократических институтов с процессом персонификации политической системы, выстраиваемой под конкретную личность. Однако в столь категоричных заявлениях не принимается во внимание роль института президентской власти в восполнении и корректировке процедурно-правовых механизмов и институтов представительной демократии императивами достижения общего блага и ценностно-смысловыми векторами политической консолидации общества, лежащими в основе идентитарной демократии. Ограниченность возможностей парламентской демократии в выражении «всеобщей воли» нации проистекает из того, что парламентарии видят свою задачу в отстаивании особых интересов и разрешении специфических проблем своего электората. Однако Н.А. Назарбаев совершенно иначе интерпретирует основную политическую функцию института парламентаризма: «Это согласование социальных и национальных запросов, артикуляция их в общенациональный интерес, интерес государства, а значит — выражение воли всего народа» [10, с. 167]. Тем самым в отстаиваемой Н.А. Назарбаевым концепции парламентаризма на представительную демократию возлагаются функции демократии идентитарной.

Свое понимание роли парламентаризма Н.А. Назарбаев подкрепляет ссылкой на исторический пример: «...ещё в 1789 году во Франции Национальное собрание

² Неопатримониализм — политическая система, в которой формально-правовые нормы функционирования государственно-бюрократических институтов сочетаются с неформальными, закулисными сетями патрон-клиентских отношений и родственных связей.

³ Потестарность — архаическая форма власти, не имеющей политических и государственных институтов.

объявило своих депутатов выразителями воли всей нации, не связанными никаким императивным мандатом» [10, с. 168]. Однако вряд ли этот пример можно считать удачным, если учесть, что отказ Национального собрания от представительства дифференцированных интересов классов, сословий, социальных групп, профессиональных и иных сообществ, и усмотрение депутатами своей миссии в выражении и утверждении всеми доступными средствами всеобщей воли народа-Суверена в итоге обернулось воцарением во Франции кровавой диктатуры и режима тотального террора.

Е.К. Ертисбаев в своей книге «Казахстан и Назарбаев: логика перемен» пишет: «В узком кругу Назарбаев не устал повторять, что народ во все времена уважал сильную и презирал слабую власть. Поэтому он говорит о «сильной государственной власти во главе с Президентом»... Впоследствии Президент постоянно будет напоминать, что демократия — это диктатура закона, игнорируя тот факт, что демократия — это ещё своего рода институционализированное разногласие, законодательное закрепление противоречий и разногласий, утверждение различий между людьми» [19, с. 370, 376]. В политическом процессе в Казахстане принятие Парламентом на себя не свойственной ему роли выразителя всеобщей воли обернулось девальвацией института парламентаризма. Поскольку интегратором и полномочным представителем всеобщей воли и солидарных интересов нации выступает Президент, то на долю парламента остаётся формальное, желательно единогласное утверждение решений, принятых исполнительной властью. В этой связи закономерно, что по свидетельству Е.К. Ертисбаева «Назарбаев никогда не считал, что парламент является символом де-

мократии» [19, с. 382], хотя и является её составной частью.

Особое отношение Н.А. Назарбаева к институту представительной власти переносится им и на институт выборов и укладывается в ту концепцию демократии, которая изложена в книге Н.А. Назарбаева «На пороге XXI века». В этой книге, рассуждая о процедурном определении демократии и подвергая его заслуженной и справедливой критике, Н.А. Назарбаев утверждает: «...аннулирование последствий выборов в целях сохранения демократических завоеваний также соответствует демократии» [10, с. 144]. Аннулирование результатов выборов возможно в случаях их фальсификации, грубых нарушений выборного законодательства и т.д. Однако в мировой практике электро-ального процесса вряд ли можно обнаружить правовую норму, согласно которой результаты выборов могут быть аннулированы, если они не отвечают чьему-то представлению о том, какой результат выборов можно, а какой нельзя считать соответствующим демократии.

Институт президентства как таковой отнюдь не отменяет политические процессы формальной институционализации и консолидации демократии. Как мы отмечали выше, в современном мире существует целый ряд государств со смешанной президентско-парламентской формой правления, принадлежность которых к числу либеральных демократий не вызывает никаких сомнений. В современной политической науке всё больше внимания уделяется феномену президенциализации (prezidentialization) как процессу концентрации исполнительной власти в руках её главы (премьер-министра, лидера правящей партии) и перехода к фактически президентской форме правления без изменения формальной структуры

парламентской политической системы. Например, в Великобритании со времён правления «железной леди» М. Тэтчер коллегиальность правления кабинета министров уступила место единоличному доминированию премьер-министра в правящей партии и кабинете. «В новой модели взаимодействия между правительством и парламентом... премьер-министр уже не нуждается в поддержке со стороны парламентского большинства» [20, с. 22]. В каждом конкретном случае политологический анализ должен выявлять особенности структуры, механизма, социокультурного контекста взаимодействия института президентства как превращённой формы идентитарной демократии с институтом парламентаризма как формой представительной демократии.

В своей книге «На пороге XXI века» Н.А. Назарбаев пишет: «... в странах третьего мира высоки этнический и профессиональный корпоративизм, степень персонализации в политике, патрон-клиентные отношения, велика роль традиционных ценностей в политической культуре. В этом смысле вряд ли целесообразно оценивать демократию третьего мира по западным меркам или по узко институциональным критериям» [10, с.155]. При размещении в иной системе аналитических и ценностных координат незападные типы демократии могут предстать совершенно в ином свете. На наш взгляд, интересная и довольно удачная попытка подхода к демократическому транзиту государств третьего мира как особому типу демократического политического процесса была осуществлена Г. О’Донеллом.

Согласно Г. О’Доннеллу, некоторые демократии третьей волны — в том числе Бразилия, Перу, Эквадор, Боливия, Филиппины, Южная Корея и многие посткоммунистические страны — не идут

по магистральному для стран Запада пути создания представительных демократий. Г. О’Донелл предлагает называть их делегативными демократиями. Делегативные демократии не являются и не стремятся стать консолидированными демократиями, но они могут быть устойчивыми. В политическом процессе этих стран нет никаких признаков какой-либо непосредственной угрозы авторитарного регресса, равно как и реальных перспектив продвижения к представительной демократии.

Институты представительной демократии обеспечивают важнейший уровень посредничества и объединения макроуровня политического процесса — его структурных факторов, — с микроуровнем: действиями отдельных людей и различных групп. Делегативные демократии основаны на предпосылке, что избрание на пост президента даёт победителю право управлять так, как он или она считает нужным, не прибегая к посредничеству представительных институтов власти. Ведь президент избирается для того, чтобы быть персонифицированным воплощением нации, чтобы полномочно определять и защищать её интересы, чтобы принять на себя всю полноту ответственности за судьбу страны и народа. «Лидер должен исцелить нацию, объединив её разрозненные фрагменты в гармоничное целое» [21, р. 60]. Прочие политические институты, например, партии с их фракционностью и перманентными конфликтами, зачастую являются лишь помехами в осуществлении этой миссии. Поэтому в системе делегативной демократии президент и его ближайшее окружение прилагают усилия к тому, чтобы помешать развитию сети институционализированных властных отношений. В то же время эти усилия бумерангом возвращаются президенту, усугубляя его политическую изоляцию от институтов представительной власти.

Отличия делегирования от представительства не очевидны, и эти две разновидности политического процесса не являются противоположностями. Более или менее чётким критерием их отличия является то, что в системе представительной демократии как формы полиархии (Р. Даль) политика осуществляется рядом относительно автономных центров власти, связанных сетью взаимной подотчётности, взаимной ответственности, взаимных сдержек и противовесов. Эти сети взаимности определяют поведение и взаимодействие политических акторов. В делегативной демократии существует вертикаль подотчётности, но горизонтальная сеть отсутствует или крайне слаба. После выборов или плебисцитов не только избиратели (как это происходит и в политических процессах в рамках системы представительной демократии), но и органы представительной власти становятся политически пассивной аудиторией, наблюдающей за действиями президента. Президент обладает институционально не связанной свободой принятия решений, но и несёт всю полноту ответственности за них. Неудивительно, что президенты в делегативных демократиях подвержены резким перепадам популярности: «...в один прекрасный день их провозглашают провиденциальными спасителями, а на следующий их проклинают так, как могут быть прокляты только падшие боги» [21, р. 62]. Если бы статья Г. О'Донелла писалась в наши дни, то в подтверждение этих слов он мог бы привести и пример Казахстана.

В целом же, делает вывод Г. О'Донелл, хотя делегативная демократия пересекается с такими авторитарными формами, как бонапартизм, каудилизм, популизм и тому подобное, она является именно демократией, её особым типом. Делегативная демократия, как правило, более

демократична, но менее либеральна, чем представительная демократия. Причём, в прямую противоположность концепции А. Лейпхарта, этот тип демократии наиболее ограничен для глубоко разделённых, фрагментированных, отягощённых тоталитарным наследием, последствиями «шоковой терапии», коррумпированной бюрократией и недееспособными институтами государственного управления стран третьей волны демократизации. Эти структурные факторы создают благоприятную почву для персонализации и концентрации власти. Вместе с тем делегирование властных полномочий не может создать эффективные долгосрочные правила транзита власти, необходимого для поступательного развития политического процесса. «До тех пор, пока их политика признаётся успешной электорально значимыми слоями населения, делегативные президенты считают просто отвратительным, что их срок полномочий должен быть ограничен конституцией; как смеют эти «формальные ограничения» препятствовать продолжению их провиденциальной миссии?» [21, р. 67].

Для того чтобы остаться у власти, президенты делегативных демократий могут даже инициировать развитие различных форм парламентаризма и проводить реформы, направленные на либерализацию режима. Вопрос здесь заключается в том, как долго основная часть населения будет готова играть в эти игры, и не положит ли им конец острый политический кризис. Эволюционный выход из этого кризиса заключается в создании, укреплении и консолидации либерально-демократических институтов и практик. Однако переход к новому типу политической культуры требует длительного времени и принятия экстраординарных решений с неясными и во многом непредсказуемыми

последствиями их практической реализации. Поэтому вполне вероятно, что в среде политического истеблишмента Казахстана зреет соблазн пролонгировать режим делегативной демократии в республике под новыми броскими популистскими лозунгами и с помощью ряда внешне эффективных реформ. Тем более что для этого есть такие предпосылки, как значительное повышение кредита доверия, укрепление власти и авторитета президента К.К. Токаева после драматических январских событий 2022 г. в Казахстане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа особенностей казахстанской модели президентской республики можно сделать следующие выводы и заключения:

- 1) Приоритетная роль в анализе политического процесса в Казахстане должна быть отведена институту президентской власти, тем формам, в которых происходило его становление, укрепление, стагнация и модернизация в современной истории Казахстана, и в которые он может перейти в ходе комплексной политической модернизации, инициированной президентом республики К.К. Токаевым.
- 2) Созданная в Казахстане система президентской республики является превращённой формой идентитарной демократии. Режим «суперпрезидентской» власти преобразует легитимность института парламентаризма из функции защиты партикулярных интересов дифференцированных социальных групп и слоёв общества в императив служения консолидированным интересам государства и целям общего блага.
- 3) Казахстанская модель демократического транзита имеет ряд особенностей, типичных для не-западных политических систем: корпоративизм, клановость, патрон-клиентские и семейно-родственные отношения, высокая степень персонализации и концентрации политического процесса, определяющая роль традиционных ценностей в политической культуре. Анализ этих особенностей должен проводиться в иной системе ценностно-аналитических координат, нежели критерии, присущие западной консолидированной демократии.
- 4) Президентская республика в Казахстане не может быть охарактеризована как особый тип демократии — делегативная демократия, концепция которой создана Г. О’Донеллом. Этот тип демократии наиболее органичен для ряда стран третьей волны демократизации, которые не являются и не стремятся стать представительными демократиями западного типа, но могут вполне успешно развивать различные формы парламентаризма и осуществлять последовательную либерализацию политического режима.
- 5) События начала 2022 г. актуализировали возможности разворота политического процесса по вектору перехода от делиберативной консолидации политической системы республики к консолидированной демократии. Институциональной формой этого процесса является фазовый переход от режима «суперпрезидентской» власти к президентско-парламентской политической системе представительной демократии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Медушевский А. Политические режимы Центральной Азии: конституционные формы в рамках авторитарной модернизации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012;4(89):45-60.
2. Труевцев К. Центральная Азия: модели политической легитимации. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007;2(50):19-34.
3. Шкель С.Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии. *Полития*. 2016;4(83):94-107.
4. Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. *Полития*. 2008;3(50):105-124.
5. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. 2007. Москва: Аспект Пресс; 2007. 287 с.
6. Штейнер Ю. Распределение власти — ещё один швейцарский «экспортный продукт»? Этнос и политика. Москва: УРАО; 2000. С. 281-287.
7. Козловский П. Общество и государство: Неизбежный дуализм. Москва: Республика; 1998. 368 с.
8. Курганская В.Д. Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования. Алматы: Центр гуманитарных исследований; 2004. 280 с.
9. Назарбаев, Н.А. Конституция — основа стабильности и процветания Казахстана. URL: <https://kaznm.kz/rus/konstituciYa-osnova-stabilnosti-i-pr/> (дата обращения: 18.06.2022)
10. Назарбаев, Н.А. На пороге XXI века. Алматы: Атамұра; 2003. 256 с.
11. Жильцов С.С., Зонн И.С. Особенности политического развития Казахстана на современном этапе: итоги и перспективы. *Центральная Азия и Кавказ*. 2019;24(4):67-76.
12. Гельман В. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Европейский университет в г. Санкт-Петербург; 2015. 44 с.
13. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. *Политическая концептология*. 2010;4:158-187.
14. Franke-Schwenk A. Autocratic Stability and Post-Soviet Rentierism: the Cases of Azerbaijan and Kazakhstan. URL: <https://www.academia.edu/1965766/> (дата обращения: 18.06.2022)
15. Isaacs R. Between informal and formal politics: neopatrimonialism and party development in post-Soviet Kazakhstan. PhD thesis. London: Oxford Brookes University; 2009. 342 p.
16. Lewis D.G. Understanding the Authoritarian State: Neopatrimonialism in Central Asia. *Brown Journal of World Affairs*. 2012;XIX(1):115-125.
17. Кондорский Б.М. Январские события 2022 года в Казахстане. Сравнительно-исторические факторы и предпосылки. *Свободная мысль*. 2022;2(1692):49-61.
18. Масанов Н. Как обустроить Казахстан. Трибуна «XXI века». 1998. 29 октября.
19. Ертысбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: Елорда; 2001. 576 с.
20. Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. *Политическая наука*. 2014;1:10-33.
21. O'Donnell G.A. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. 1994;5(1):55-69.

REFERENCES:

1. Medushevsky A. Political regimes of Central Asia: constitutional forms within the framework of authoritarian modernization. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. 2012;4(89):45-60. (In Russ.).

2. Truevtsev K. Central Asia: Models of political Legitimization. *Central Asia and the Caucasus*. 2007;2(50):19-34. (In Russ.).
3. Shkel S.N. [Neopatrimonial practices and the stability of authoritarian regimes in Eurasia. *Politiya*. 2016;4(83):94-107. (In Russ.).
4. Makarenko B.I. Post-communist countries: some results of the transformation. *Politiya*. 2008;3(50):105-124. (In Russ.).
5. Lejphart A. Democracy in multi-component societies: a comparative study. Moscow: Aspekt Press; 1997. 287 p. (In Russ.).
6. Shtejner Yu. Is the distribution of power another Swiss “export product”? *Etnos i politika*. Moscow: URAO; 2000. P. 281-287. (In Russ.).
7. Kozlovski P. Society and the State: The inevitable dualism. Moscow: Respublika; 1998. 368 p. (In Russ.).
8. Kurganskaya V.D. Legal consciousness of ethnic groups of Kazakhstan: socio-cultural context of formation. Almaty: Centr gumanitarnykh issledovaniy; 2004. 280 p. (In Russ.).
9. Nazarbaev N.A. Constitution — the basis of stability and prosperity of Kazakhstan. URL: <https://kaznmu.kz/rus/konstituciYa-osnova-sta-bilnosti-i-pr/> [Accessed: 18.06.2022] (In Russ.).
10. Nazarbayev N.A. On the threshold of the XXI century. Almaty: Atamura; 2003. 256 p. (In Russ.).
11. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Features of political development of Kazakhstan at the present stage: results and prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;24(4):67-76. (In Russ.).
12. Gelman V. Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism. St. Petersburg: Evropejskogo universiteta v g. Sankt-Peterburge; 2015. 44 p. (In Russ.).
13. Fisun A.A. Towards Rethinking Post-Soviet Politics: a neopatrimonial interpretation. *Politicheskaya konceptologiya*. 2010;4:158-187. (In Russ.).
14. Franke-Schwenk A. Autocratic Stability and Post-Soviet Rentierism: the Cases of Azerbaijan and Kazakhstan. URL: <https://www.academia.edu/1965766/> [Accessed: 18.06.2022]
15. Isaacs R. Between informal and formal politics: neopatrimonialism and party development in post-Soviet Kazakhstan. PhD thesis. London: Oxford Brookes University; 2009. 342 p.
16. Lewis D.G. Understanding the Authoritarian State: Neopatrimonialism in Central Asia. *Brown Journal of World Affairs*. 2012;XIX(1):115-125.
17. Kondorsky B.M. January 2022 events in Kazakhstan. Comparative-historical factors and prerequisites. *Svobodnaya mysl'*. 2022;2(1692):49-61. (In Russ.).
18. Masanov N. How to equip Kazakhstan. *Tribuna «XXI veka»*. 1998. October 29. (In Russ.).
19. Yertysbayev E. Kazakhstan and Nazarbayev: the logic of change. Astana: Elorda; 2001. 576 p. (In Russ.).
20. Zaznaev O.I. Understanding the forms of government in foreign political science: the latest discussions. *Politicheskaya nauka*. 2014;1:10-33. (In Russ.).
21. O'Donnell G.A. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. 1994;5(1):55-69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Альнур С. Сейдуманов, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
seidumanov@mail.ru

Alnur S. Seidumanov, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
seidumanov@mail.ru